

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ
1991–2004 гг.

Европейская Россия

Под редакцией члена-корреспондента РАН Н. А. Макарова

МОСКВА 2009

УДК 902/904
ББК 63.4(2)

Археологические открытия. 1991–2004 гг. Европейская Россия. Отв. редактор член-корр. РАН Н. А. Макаров. — М.: Институт археологии РАН, 2009. — 476 с., илл.

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ФОНДА (ПРОЕКТ № 06-01-16049д)

Редакционная коллегия:

Х. А. Амирханов, П. Г. Гайдуков, Г. А. Кошеленко, Н. В. Лопатин,
Н. А. Макаров (отв. ред.), М. Г. Мошкова, Р. М. Мунчаев, Е. Н. Носов, В. Л. Янин

Фотографии: А. А. Иванов, авторы
Рисунки: А. В. Голикова, авторы
Редактор Е. Е. Сырнева

© Учреждение Российской академии наук
Институт археологии РАН, 2009
© Коллектив авторов, 2009

ISBN 978-5-94375-071-7

На обложке: Старая Ладога. Сопка IX–X вв. и церковь Иоанна Предтечи.

Ильская стоянка на Кубани

Уникальный памятник среднего палеолита
на территории России

Ильская стоянка находится в Западном Закубанье, в п. Ильском Северского р-на Краснодарского края, в 50 км к юго-западу от г. Краснодара. Поселок Ильский в основном размещается на равнине, прилегающей к р. Кубани, и только небольшая юго-западная часть его тянется по долине ныне небольшой р. Иль в предгорья Северо-Западного Кавказа. В этой горной части поселка, в довольно узком месте речной долины и непосредственно на выходе ее из предгорий на равнину, и располагается стоянка (рис. 1). При этом она находится низко над рекой, в основании довольно крутого левобережного склона долины, обращенного на юг (рис. 2). Хорошо видно, что стоянка связана с древней излучиной реки, с северо-запада и юго-востока ограниченной мысами. Учитывая топографию стоянки, едва ли можно сомневаться, что место для нее было выбрано первобытными людьми не случайно. Позиция ее хорошо согласуется с их охотничьим образом жизни. Основное преимущество места расположения стоянки, по всей вероятности, заключалось в том, что оно было совсем близко от сужения речной долины и как нельзя лучше подходило для устройства здесь засад для убоя стадных животных, перио-

дически откочевывавших с равнины по долинам рек на пастбища в горные районы и обратно на равнину.

Ильская стоянка известна специалистам уже более 100 лет. Сведения о ней широко использовались и используются сейчас многими авторами. Ее раскапывали неоднократно разные, в том числе авторитетные исследователи, такие как С. Н. Замятин и В. А. Городцов. Именно этими двумя исследователями первоначально была вскрыта весьма значительная площадь стоянки. Однако при этом методика их раскопок памятника, на удивление, была крайне низкого уровня. Вследствие этого документация раскопок стоянки оказалась совершенно отрывочной, что не могло не сказаться и на интерпретации этого памятника, которая сейчас представляется зачастую малообоснованной и противоречивой. Положение осложняется еще и тем, что весьма крупные археологические и палеозоологические коллекции, добытые первоначальными раскопками стоянки, в свое время не были должным образом исследованы и опубликованы. Сейчас эти коллекции, хранящиеся в МАЭ и Зоологическом институте РАН, к сожалению, находятся в плохом состоянии. Они смешаны (часть находок потеряна) и по этой причи-

не в основном утратили свое научное значение, оставаясь главным образом в качестве учебных материалов. Раскопки стоянки в конце 1960-х гг. Н. Д. Прасловым проводились на неплохом методическом уровне. Однако добытые им материалы до сих пор практически не опубликованы и не доступны для исследований. Все это привело к тому печальному факту, что Ильская стоянка, одна из самых известных среднепалеолитических стоянок на территории нашей страны, и по сей день остается не до конца ясным и понятным памятником. Нет единого мнения ни о стратиграфии и возрасте стоянки в пределах среднего палеолита, ни о ее культурной принадлежности. Это положение стало исправляться в лучшую сторону в результате наших раскопок стоянки в 1990-е гг.

Ильская стоянка была открыта случайно, и произошло это в связи с развитием нефтяных промыслов в бывшей станице Ильской в конце XIX в. Здесь местные рабочие-нефтяники при земляных работах постоянно находили кости ископаемых животных. Правда, большого интереса к ним они не проявляли и скоро о них забывали. Но вот осенью 1898 г. в Ильскую по пути из Новороссийска заехал известный тогда

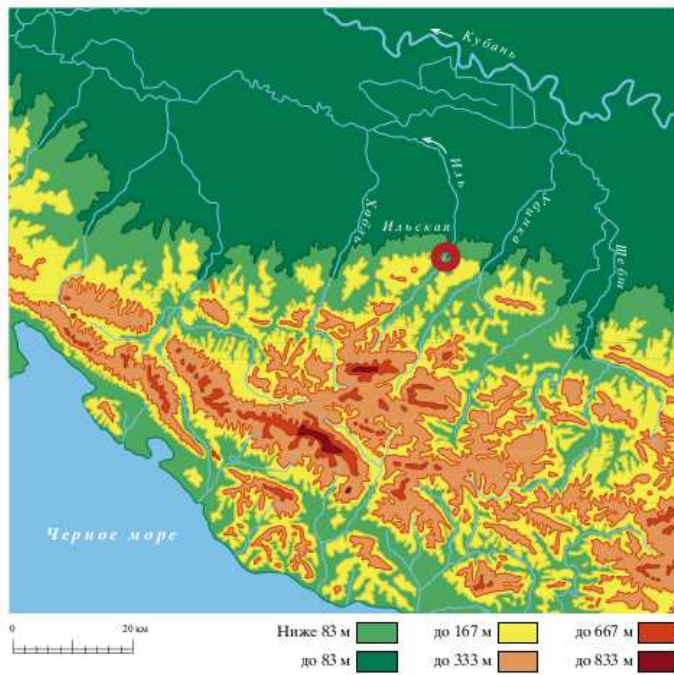

Рис. 1. Расположение Ильской стоянки в предгорьях Северо-Западного Кавказа.

французский археолог и путешественник барон Ж. де Бай. В то время на нынешнем 5-м участке Ильского нефтепромысла французской компанией «Русский стандарт» закладывался один из новых колодцев для добычи нефти. В выбросах земли оказались древние кости, на которые обратил внимание исследователь. По его предварительному заключению, кости принадлежали мамонту и гиппопотаму, на них могли охотиться первобытные люди. И небольшие раскопки, предпринятые исследователем, подтвердили это. Вместе с костями он нашел и каменные орудия (Ваге, 1899, р. 12). Так была открыта Ильская стоянка. Кости мамонта исследователь определил правильно. Но вот с распознаванием костей других животных он явно ошибся. Находки из Ильской были переправлены во Францию, где

были показаны на одной из выставок в Париже. С профессиональной точки зрения их описал там же во Франции Л. Капитан (Capitan, 1899, р. 325). Однако само место стоянки, открытой де Баем, никто из специалистов не видел. Уже в начале XX в. о ней стали забывать и появились сомнения в ее существовании.

Всерьез заинтересовались Ильской стоянкой лишь в 1925 г., когда С. Н. Замятнин — аспирант Государственной Академии истории материальной культуры, только что приступивший к изучению палеолита Кавказа и работавший при этом в составе Северо-Кавказской этнолого-археологической экспедиции под руководством А. А. Миллера, — решил все же отыскать эту таинственную стоянку. Недалеко от окраины станицы Ильской ему показали место, где в 1923 г. при рытье нефте-

отстойного котлована были найдены бивень и зубы мамонта. Заложённые им шурфы оказались с находками (Замятнин, 1925, с. 11–19). Де Бай, с которым связался С. Н. Замятнин, подтвердил, что раскопки проведены как раз там, где он проводил работы в 1898 г. (Zamiatnine, 1929, р. 283). Таким образом, Ильская стоянка вновь была открыта. Последующими раскопками (1926 и 1928 гг.) на стоянке был обнаружен мощный культурный слой (в среднем 40–50 см), залегающий, по заключению почвовед С. А. Захарова, в ископаемой почве, образовавшейся в древности на пойме речной террасы (Замятнин, 1934, с. 209). Геологи отнесли эту почву, равно как и культурный слой, к концу последней межледниковой эпохи (Gromova, 1932, S. 309), датированной сейчас 120–130 тыс. л. н. В общей сложности было раскопано около 225 м² площади стоянки и получены большие коллекции костных остатков животных, на которых охотились обитатели стоянки, и каменных изделий. Структура слоя не исследовалась, хотя С. Н. Замятнин отметил неравномерность распределения находок в слое. Кости принадлежали различным ископаемым животным. Но среди них преобладали кости степных бизонов, которых стало принято считать основными промысловыми животными обитателей стоянки (Замятнин, 1934, с. 210). Первый исследователь Ильской стоянки обратил внимание на важные особенности материальной культуры их обитателей. В каменном инвентаре оказались прекрасно сделанные листовидные и треугольные наконечники копий, что хорошо согласуется с обилием костных остатков животных на стоянке. Найдены были и другие орудия прогрессивных форм, что в целом характеризует индустрию стоянки как весьма развитую с далеко зашедшей дифференциацией форм орудий, с разнообразием технических и трудовых процессов (там же, с. 213). По облику культуры Ильскую стоянку С. Н. Замятнин

Рис. 2. Место Ильской стоянки на левом берегу р. Или (слева западный, справа восточный участки стоянки). Вид с юго-востока.

отнес к группе известных в то время разновременных восточноевропейских мустьерских (среднепалеолитических) стоянок, сходных с индустрией Ла Микок во Франции. Стоянка соотносилась с развитой фазой этого типа мустье (Zamiatnine, 1929, p. 11, 12).

Раскопки и исследования Ильской стоянки С. Н. Замятниным имели исключительно важное значение для изучения среднего палеолита в нашей стране. Полученные им сведения о стоянке практически сразу же были введены в научный оборот и с коллекциями (археологическими и палеозоологическими), добытыми его раскопками мог ознакомиться любой специалист.

К сожалению, однако, раскопки стоянки С. Н. Замятниным были небезупречными, с большими методическими нарушениями. Анализ

документации и осмотр места его раскопок сейчас показывают, что исследователь не достаточно хорошо разобрался в стратиграфии памятника. На участке, где он проводил раскопки, судя по всему, было несколько культурных слоев, залегающих в разных в литологическом отношении отложениях. Но они не были расчленены и раскопаны как один слой. При этом все находки еще в ходе раскопок оказались смешанными и составили одну обобщенную коллекцию. Это, безусловно, негативно сказалось в дальнейшем на интерпретации материалов стоянки.

Недостатки раскопок стоянки С. Н. Замятниным, возможно, явились одной из причин резкого несогласия с ним в оценке этого памятника В. А. Городцовым, который полагал, что возраст Ильской сто-

янки неоправданно удревлен и она должна была быть отнесена не к среднему, а к позднему палеолиту. С целью подтвердить свое мнение, а также «изучить быт и экономические условия жизни обитателей стоянки» он произвел на ней грандиозные раскопки. За два года (1936–1937 гг.) им было вскрыто около 370 м² площади стоянки. Однако никакого подтверждения позднего возраста стоянки у него не получилось, несмотря на настойчивое стремление исследователя отыскать в ее инвентаре максимально больше изделий позднепалеолитического облика. Среднепалеолитический (мустьерский) возраст стоянки ни у кого не вызывал сомнений. Заслуга В. А. Городцова заключалась в другом. Именно он впервые довольно подробно описал стратиграфию стоянки и выделил на ней

три культурных слоя, доказав тем самым многослойный характер Ильской стоянки. По его мнению, палеолитические охотники посещали место стоянки многократно во время последнего межледникового и последующей за ним ледниковой эпохи (Городцов, 1937, с. 1–6, 15; 1940, с. 92). Это было очень важным наблюдением. Но оно по совершенно неповиной причине не привлекло должного внимания исследователей, и Ильскую стоянку еще долгое время продолжали ошибочно считать однослойным памятником. При этом полученные в ходе ее раскопок явно разновременные обширные палеозоологические и археологические материалы рассматривались и, бывает, рассматриваются и сейчас как единый культурный комплекс. В таком обобщенном виде Ильская стоянка анализировалась многими исследователями. При этом высказаны самые разные суждения. Например, П. П. Ефименко, вслед за С. Н. Замятинным, относил ее к мустье восточноевропейского типа. Но полагал, что присутствие на ней двусторонне обработанных острий и позднепалеолитических форм орудий является свидетельством ее позднемустьевого возраста (Ефименко, 1953, с. 250). Этой точки зрения придерживаются и некоторые другие исследователи. А. А. Формозов обращает внимание на наличие в инвентаре стоянки тонких уплощенных двусторонне обработанных орудий, узких остроконечников, асимметричных острий, близких остриям шательперрон, а также скребков и резцов. Изящный треугольный наконечник с обработанным основанием, имеющийся среди орудий стоянки, он, как и А. Н. Рогачев (1957), считает непосредственным предшественником треугольных наконечников из стоянок начальной поры позднего палеолита Русской равнины. Подкрепляется это определениями абсолютного возраста стоянки (34–39 тыс. лет), выполненными В. В. Чердынцевым в 1950-е гг. По культурной же атрибуции А. А. Фор-

мозов относит стоянку к мустье с ашельской традицией (Формозов, 1965, с. 33–39). Довольно поздним временем (концом раннего вюрма) датирует стоянку Г. Бозински. В качестве наиболее характерных форм изделий в индустрии стоянки он видит многочисленные двусторонне обработанные изделия, в том числе асимметричные формы, и особенно листовидные острия. Последние, с его точки зрения, вполне согласуются с преобладанием на стоянке костей бизонов. Ильскую стоянку он выделил в особый тип инвентаря, который вместе с селетом и альтмюльской группой (Altmühlgruppe) на периферии Центральной Европы составляют комплекс стоянок с листовидными наконечниками. При этом предполагается, что этот комплекс с листовидными наконечниками является результатом развития культуры микок и следует по времени непосредственно за ним (Bosinski, 1967, S. 60–61, 83). Напротив, М. Габори, изучивший материалы Ильской несколько позже, считал ее типично микокским (восточномикокским) памятником и датировал стоянку умеренной фазой раннего вюрма–брерупом (Gabori, 1976, p. 137). Инвентарь стоянки из раскопок С. Н. Замятина и В. А. Городцова в той или иной степени изучали и интерпретировали и другие исследователи. Например, В. П. Любин при оценке инвентаря стоянки в целом сначала видел в ней памятник типичного мустье, хотя и с шарантским компонентом и примесью мустье понтийского типа (Любин, 1977, с. 197). Позднее он примкнул к общепринятой точке зрения и отнес ее к микоку (Любин, 1994, с. 160). На принадлежность Ильской стоянки к восточноевропейскому микоку указывает также Л. В. Голованова. По ее мнению, Ильская особенно близка на Северо-Западном Кавказе Мезмайская пещера (слои 3 и 2Б-4), расположенная высоко в горах в верховьях р. Курджипс на краю Лагонакского плато (Голованова, 1993, с. 25).

Предполагается, что эти памятники синхронны и могут быть датированы первой половиной среднего вюрма, хотя для Ильской не исключается и межстадиальный возраст в пределах раннего вюрма (Голованова, Доронищев, 2003, с. 10). Надо сказать, что еще в конце 1960-х гг. представление об однослойности Ильской стоянки попытался изменить Н. К. Аниюткин. Он изучил коллекции находок из раскопок С. Н. Замятина, объединенные в один комплекс, и находки В. А. Городцова раздельно из нижнего и верхнего культурных слоев (сейчас послойные коллекции В. А. Городцова, хранящиеся в МАЭ РАН, смешаны). В верхнем слое состав орудий оказался несколько иным, по сравнению с нижним слоем. Однако это лишь количественные различия, и все культурные слои стоянки исследователь определил как одну мустьеверскую культуру, развитие которой выразилось в «трансформации более примитивного инвентаря нижнего слоя в более совершенный инвентарь верхнего слоя» (Аниюткин, 1968, с. 118–125).

Интересные данные о стоянке получил в результате ее раскопок (1963, 1967–1968 гг.) Н. Д. Праслов. К сожалению, они не опубликованы. Судя по отдельным заметкам, подтвердился вывод В. А. Городцова о многослойности стоянки. Правда, исследователь проводил раскопки не по слоям, имевшим те или иные литологические характеристики, а по условным раскопочным горизонтам. Всего таких горизонтов у него оказалось 12. Самый нижний совпадал с ископаемой почвой на глубине 5 м, перекрывавшей аллювий третьей надпойменной террасы р. Или, которую Н. Д. Праслов традиционно синхронизирует с последней (микулинской, рисс-вюрмской) межледниковой эпохой (Праслов, 1984, с. 32). У геологов несколько иное мнение. В частности, В. М. Муратов, принимавший участие в раскопках стоянки, указывал, что ее культурные слои залегают в толще делювиальных глин

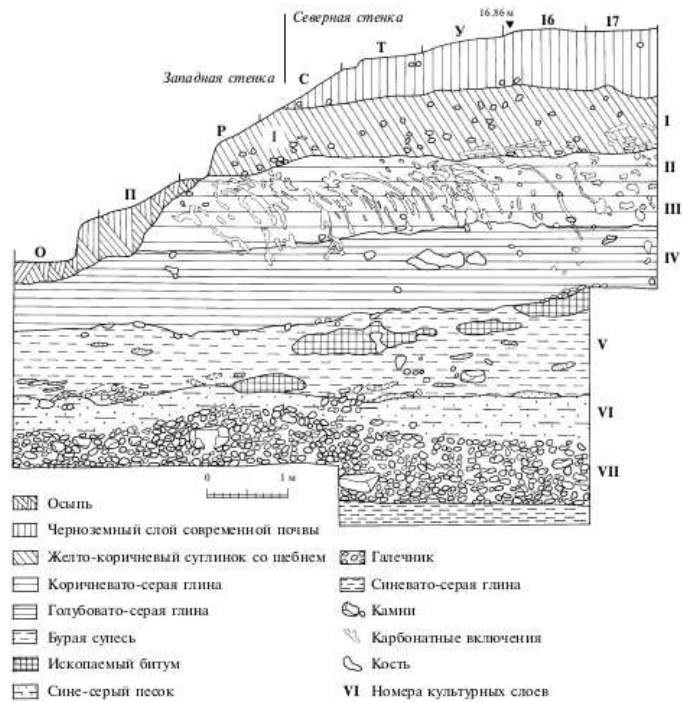

Рис. 3. Разрез отложений с культурными слоями на Ильской стоянке (раскоп I, западная и северная стенки).

и тяжелых суглинков, перекрывающих террасу межледникового возраста, и, следовательно, должны датироваться более поздней вюрмской ледниковой эпохой (Муратов, 1969, с. 35). Сходным образом думала И. К. Иванова. По ее мнению, положение Ильской стоянки в нижней части покровных отложений низкой террасы близко по положению мустьерских стоянок в Приднестровье, поэтому наиболее вероятный возраст этой стоянки — вюрмский (валдайский). Тем более, что он подтверждается радиоуглеродными определениями — 37200 ± 1800 и 40800 ± 1200 (ЛУ), полученными по костям бизона. Археологический материал

стоянки характеризуется Н. Н. Прасловым в самом общем виде. Существенных различий по составу изделий между горизонтами им не наблюдалось. Двусторонне обработанные изделия, принимаемые исследователем за отличительный признак индустрии стоянки, были выявлены во всех раскопочных горизонтах, на основании чего делается вывод, что Ильская стоянка представляет собой остатки «одной мустьерской культуры, развивавшейся в пределах данного региона» (Праслов, Муратов, 1970, с. 84). Как отмечалось, такое же мнение было высказано несколько раньше Н. К. Анисюткиным после сравнительного изучения

материалов из раскопок С. Н. Замятниной и В. А. Гордцова (Анисюткин, 1968, с. 125).

Значительно полнее и по-новому предстает Ильская стоянка сейчас после открытия и изучения на ней ранее неизвестного восточного участка (Ильская 2) с целой серией хорошо сохранившихся культурных слоев, залегающих, как оказалось, не только в покровных делювиальных отложениях, но и в аллювиальных отложениях древней речной террасы (Щелинский, 1993, с. 7–11). Этот участок располагается в 170 м к востоку и ниже по реке от места прежних раскопок (теперь западный участок или Ильская 1) (рис. 2). Сам

Рис. 4. *Ильская стоянка. Ножи с двусторонней обработкой из VII культурного слоя.*

факт открытия его показывает, что стоянка в действительности имеет гораздо большие размеры, чем предполагалось первоначально ее первыми исследователями. Она занимает внушительную территорию площадью примерно 250 × 50 м, которая протягивается вдоль берега реки. В связи с этим встает вопрос, почему стоянка заселялась среднепалеолити-

ческими охотниками столь интенсивно и длительное время? Очевидно, были какие-то благоприятные палеоэкологические причины. С большой долей вероятности можно назвать некоторые из них. В первую очередь, надо думать, в окрестностях стоянки продолжительное время было изобилие промысловых животных, а топография местности позво-

ляла относительно легко и продуктивно охотиться на них. Важно, что в сочетании с этим обстоятельством на стоянке и поблизости от нее всегда в достатке было каменное и растительное сырье для изготовления орудий и оружия. Кроме того, есть основания предполагать, что среднепалеолитические охотники уже знали и использовали как горючее вещество имеющуюся здесь самопроизвольно вытекающую нефть. На это косвенным образом указывает удивительное совпадение места стоянки с основными в долине р. Или выходами нефти и газа на поверхность.

Наши исследования восточного участка впервые позволили четко установить геоморфологическую позицию и стратиграфию стоянки и благодаря этому максимально приблизиться к более точному определению ее геологического возраста. Раскопками на стоянке выявлены две низкие плейстоценовые террасы р. Или (вторая и третья надпойменные террасы). Эти террасы сближены по высоте (12–14 м), но различаются слагающими их отложениями. При этом аллювий второй террасы с размывом налегает на верхи аллювия третьей террасы, включающей культурные слои стоянки. Относительно поздний возраст (в пределах раннего вюрма) второй террасы не вызывает сомнений. Что касается третьей террасы со стоянкой, то она, безусловно, древнее. Однако, судя по положению в рельефе и литологическим характеристикам представленных в ней отложений, межледниковый (микулинский, рисс-вюрмский) возраст ее, на мой взгляд, исключен. Вместе с тем многое говорит о том, что эта терраса может быть датирована первым потеплением внутри начавшегося оледенения (вюрма, валдая), сопоставимым с интерстадиалом бреруп Западной и Центральной Европы и подстадией 5с океанической изотопно-кислородной шкалы. Абсолютный возраст этой подстадии — около 100 тыс. лет (Jöris, в печати; Bosinski, 2000–2001, p. 109).

В толще отложений третьей террасы, общая мощность которых составляет более 6 м, сейчас выявлено семь культурных слоев среднего палеолита. Причем связаны они с литологически различными геологическими слоями (рис. 3), что облегчает их датировку и археологическую атрибуцию (Ščelinskij, 1998, S. 131–161). В этой связи весьма важно, что три нижних культурных слоя (V–VII) залегают в отложениях водного происхождения, в аллювии террасы. При таких условиях накопления культурных остатков эти культурные слои, казалось бы, должны были быть полностью разрушены рекой. Однако они сохранились и только в незначительной степени были повреждены водой. Эти слои датируются временем формирования аллювия третьей надпойменной террасы р. Или, т. е., скорее всего, первой фазой потепления (бреруп), имевшей место в начале последней ледниковой эпохи. Нет сомнений, что оставившие их среднепалеолитические охотники жили близко у воды на низкой периодически подтопляемой древней пойме и непосредственно на песчано-галечном пляже реки.

Самый древний VII культурный слой Ильской стоянки располагается в верхней части слоя занефтяванного в древности руслового галечника террасы. Несмотря на такие условия залегания, культурный слой в основном сохранился *in situ*. Об этом свидетельствуют довольно равномерное распределение в нем культурных остатков и сами каменные изделия, среди которых большинство без следов окатанности. Поскольку слой лежит глубоко от поверхности и перекрыт другими неисследованными культурными слоями, его удалось раскопать пока лишь на нескольких квадратных метрах. Однако характер слоя вырисовывается вполне отчетливо. В нем довольно много костных остатков животных и каменных изделий, встречены также крупные и сравнительно небольшие глыбы доломита, возможно, принесенные людьми. Примечательны костные ос-

Рис. 5. *Ильская стоянка. Круглая наковальня из плиты доломита из VII культурного слоя.*

татки животных, на которых охотились люди. Среди них отчетливо преобладают остатки мамонта ранней формы (*Mammuthus cf. chosaricus*) (Hoffecker et al., 1991, p. 124, 125), что несомненно указывает, по крайней мере, на умеренный климат и является важным дополнительным аргументом в пользу послемежледникового возраста этого слоя. Распространение мамонта в Предкавказском регионе началось, по всей вероятности, несколько раньше отложения VII культурного слоя, во время весьма холодной стадии (5d), последовавшей после окончания последней межледниковой эпохи. О материальной культуре охотников рассматриваемого культурного слоя свидетельствует интересная коллекция каменных орудий. Особенно обращают на себя внимание хорошо сделанные отщепы, выполненные в леваллуазской технике обработки камня, и двусторонне обработанные ножи (рис. 4). Совершенно уникальным изделием является крупная, круглая как колесо наковальня, тщательно изготовленная из плиты доломита (рис. 5). Диаметр ее 33 см, высота — 9 см, вес — около 10 кг. По всему периметру она оббита многочисленными крупными и мелкими верти-

кальными сколами, придающими ей правильную круглую форму. Наконьня интенсивно использовалась. На обеих плоских поверхностях ее сохранились следы стертости, старые царапины, а также лунки от ударов, образовавшиеся от раскалывания костей и других не очень твердых материалов.

VI культурный слой, залегающий на 50–60 см выше VII слоя, связан с синеватым глинистым речным песком, также пропитанным нефтью. Раскопан на малой площади, и впечатления о нем предварительные. По составу костей, представленных исключительно костями мамонта, и малочисленным изделиям из камня, этот слой имеет признаки кратковременной стоянки небольшой группы охотников. Однако по технико-типологическому облику остатков материальной культуры он, похоже, не отличается от VII слоя.

Пачку культурных слоев, сформировавшихся в аллювиальных отложениях речной террасы, завершает V культурный слой. Он лежит в бурой гумусированной и отчасти занефтяванной супеси, слагающей древнюю пойму реки. В ряде мест супесь содержит линзы ископаемого битума, которые в древности были дужами

Рис. 6. *Ильская стоянка. Фрагмент V культурного слоя с костями мамонтов ранней формы и каменными изделиями из доломита и кремня. Вид с юга. На переднем плане верхней фотографии видна лопатка молодой особи мамонта.*

нефти прямо на стоянке охотников. Стратиграфически эта супесь с V культурным слоем сопоставляется с нижней погребенной почвой западного участка памятника, с которой В. А. Городцов увязывал нижний культурный слой стоянки (12-й условный раскопочный горизонт Н. Д. Праслова). V культурный слой имеет значительную мощность и включает в себя довольно многочисленные костные остатки животных, которые вместе с каменными изде-

лиями в целом равномерно распределялись на исследованной площади (рис. 6). Все говорит о длительном обитании людей на стоянке. Кости принадлежат мамонту, но, наряду с ними, встречены остатки бизона, гигантского оленя и лошади. Представлены разные части скелетов животных. Характеристика каменной индустрии слоя в настоящее время затруднительна из-за малочисленности информативных в технико-типологическом отношении орудий.

Пока можно констатировать, что, в отличие от никележащих культурных слоев, двусторонне обработанных орудий здесь мало и они невыразительные. Однако представлены новые формы — ножи с ретушированным обушком на отщепках.

Исключительно интересны верхние культурные слои стоянки. Они залегают в склоновых делювиальных глинах и суглинках, перекрывающих водные отложения третьей надпойменной террасы р. Или. Сейчас удалось установить, что эти склоновые отложения накапливались в условиях влажного и прохладного климата, изменявшегося в направлении все большей сухости. По всей вероятности, это была очередная холодная фаза последнего (вюрмского, валдайского) оледенения Европы, сопоставимая с подстадией 5b изогипнокислородной шкалы глобального изменения климата, имеющей возраст порядка 90 тыс. лет от наших дней.

В самой нижней части делювия террасы, в плотной голубовато-серой (сизой) глине находится IV культурный слой стоянки. Это мощный слой, наиболее насыщенный костными остатками животных в основном раннего мамонта (рис. 7). Зафиксировано обширное скопление костей, в котором они располагались хаотично, нередко с налеганием одной на другую. Многие трубчатые кости почти целые, есть бивни, в том числе необычайно крупные. Не исключено, что они имеют отношение к жилому сооружению, конструктивные элементы которого, однако, четко не прослеживаются. Материальную культуру охотников этого слоя характеризуют многочисленные выразительные орудия разных категорий, изготовленные из доломита, алевrolита, кремня, лидита и других пород камня. Налицо заметные технико-типологические особенности этих орудий, отсутствующие в других культурных слоях стоянки. Двусторонне обработанных орудий всего два, но они демонстрируют высокую технику обработки камня. Одно из них — треугольный удлиненный

наконечник дротика с утонченным основанием, другое — миниатюрный овальный нож с коротким диагональным обушком. Основная масса орудий изготовлена на сколах. Наряду с разнообразными скреблами выделяются удлиненные остроко-нечники асимметричной формы. К ним примыкают ножи со специально оформленным обушком. Важной составной частью комплекса орудий из слоя являются хорошо сделанные крупные леваллуазские отщепы и остроко-нечники (рис. 8). Это были готовые ножи, полученные специальной техникой, а остроко-нечники использовались также в качестве наконечников копий и дротиков. Наконец, нельзя не упомянуть совершенно неожиданную для этого слоя находку, возможно, проливающую свет на духовную жизнь среднепалеолитических охотников. Я имею в виду, на первый взгляд, обыкновенную гальку из плотного песчаника (размеры: длина — 9 см, высота — 8,5 см, толщина — 2 см), лежавшую в слое среди костей (рис. 9). Однако, присмотревшись внимательно, можно увидеть поразительное сходство ее с позднепалеолитическими фигурками мамонта, изготовленными из мергеля, и известными, например, по материалам стоянки Костенки I на Среднем Дону. «Фигурка» имеет все характерные признаки мамонта, передаваемые палеолитическим искусством: маленькую шишковатую головку, резко отделенную от горбатой изогнутой спины, просматривается и слегка изогнутая линия хобота. Особенно примечательно, что выпуклости головки и горба спины зверя образованы удивительно удачным сколом края гальки. Правда, негатив этого скола окатан так же, как и вся галька. Случайна ли эта «подработка» края гальки или она была преднамеренной, сказать трудно. Очевидно, что галька была подобрана человеком на пляже реки, куда она могла попасть из более раннего культурного слоя. Как бы то ни было, человек, по-видимому, обратил внимание на

Рис. 7. *Ильская стоянка. Фрагмент IV культурного слоя со скоплением костей и бивней мамонтов ранней формы. Сверху вид с северо-запада; Снизу вид с юго-запада.*

сходство очертаний гальки с теми животными, которые окружали его в повседневной жизни.

Выше IV культурного слоя залегает исключительно интересный III культурный слой стоянки. Он связан с несколько более темной коричневатой-серой глиной, насыщенной рыхлыми карбонатами, что указывает на более сухой климат. О кардинальном изменении климатической ситуации во время накопления этого культурного слоя (распространение

степных ландшафтов) свидетельствуют и сохранившиеся в нем костные остатки животных, на которых охотились люди. Они принадлежат главным образом бизону (*Bison cf. priscus*) (Baryshnikov, Hoffecker, 1994, p. 3). Таким образом, в отличие от нижележащих культурных слоев, оставленных охотниками на мамонтов, в III культурном слое мы имеем дело с материальными остатками деятельности и культуры уже других охотников — охотников на бизонов.

Рис. 8. *Ильская стоянка. Орудия (остроконечники, леваллуазские отщепы) из IV культурного слоя.*

Каменные орудия этих охотников многочисленны и многообразны. В слое обнаружена подлинная обширная мастерская по обработке местного каменного сырья — доломита, из которого на основе весьма развитой леваллуазской техники расщепления камня изготавливались в большом количестве высококачественные отщепы, пластины и треугольные остроконечники (рис. 10). Однако этим не ограничивается специфика слоя. Бесспорной особенностью состава орудий в нем является наличие длинных узких, но при этом толстых, обработанных интенсивной ретушью, остроконечников, удлиненных двойных скребел и пластин

с крутой ретушью почти по всему периметру, напоминающих ориньякские пластины позднего палеолита. Для других культурных слоев стоянки такие орудия не характерны.

II культурный слой стоянки, расположенный выше по разрезу и в той же самой глине, что и III слой, также содержит остатки материальной культуры охотников на бизонов. Однако характер их в этом слое несколько иной. По-видимому, можно говорить о других культурных традициях у охотников. Прежде всего сам слой довольно тонкий. Кости бизонов, иногда в анатомических группах, распределялись отдельными пятнами, что свойственно крат-

ковременным стоянкам охотников. Как будто, не противоречит этому и набор орудий, обнаруженных в слое. Среди них нет такого обилия леваллуазских типов орудий, характерного для III слоя. Орудия в основном простые: скребла, асимметричные остроконечники, отщепы с ретушью. Большинство их имеет удивительно мелкие размеры (отдельные экземпляры — до 2 см и меньше). Причем мелкие не только отщепы, из которых сделаны орудия, но и нуклеусы, служившие для скалывания отщепов-заготовок.

Над описанным культурным слоем прослеживается граница размыва толщи глин, включающей культурные слои II–IV. Это является важным показателем очередного изменения климатических условий на последнем этапе существования стоянки. Климат стал еще более сухим и холодным. На склонах долины р. Или было мало растительности, при этом уровень реки сильно понизился, что привело к бурному развитию склоновой эрозии и накоплению на террасах суглинков с большим количеством щебня из местных пород. Именно в таких условиях происходило формирование самого позднего, I культурного слоя стоянки. По времени это, вероятно, соответствует наиболее холодной фазе подстадии 5b океанической изотопно-кислородной шкалы, имевшей место около 85 тыс. лет тому назад (Jöris, 2001, S. 21, 22).

I культурный слой плохо сохранился. В нем почти нет костных остатков животных (сказалась близость слоя к современной поверхности), а каменные изделия еще в древности были частично переотложены дождями потоками. Тем не менее слой доставил интересные находки. По составу и формам орудий этот слой близок II культурному слою, но не тождественен ему. Для него также характерны мелкие простые орудия и соответствующие им отщепы и нуклеусы. Вместе с тем представлены орудия нормальных размеров, и среди них хорошие леваллуазские отще-

ны, а также двусторонне обработанные ножи и наконечники дротиков. Есть оригинальные орудия на гальках типа чопперов. Все это придает данному культурному слою определенные отличия от других культурных слоев стоянки.

Таким образом, Ильская стоянка предстает сейчас в совершенно новом свете. Впервые удалось определить хронологические рамки этого многослойного памятника. Стоянка оказалась не столь древней, как представлялось раньше, но и не слишком поздней в пределах среднего палеолита. Самый нижний ее культурный слой, по-видимому, не древнее 100 тыс. лет, а верхний культурный слой — не моложе 80–85 тыс. лет. На стоянке нет оснований видеть плавное развитие одной культуры. Напротив, культурные слои на ней во многом не похожи один на другой и в большей мере указывают на то, что среднепалеолитические охотники, посещавшие место стоянки на протяжении тысячелетий, имели разные культурные традиции, характеризующиеся высоким развитием техники обработки камня и изготовления орудий труда и оружия. Это не были так называемые традиции кайльмессергруппен или же микокские традиции, устанавливаемые в настоящее время для ряда стоянок конца среднего палеолита Центральной и Восточной Европы, включая некоторые пещерные стоянки Крыма и Северо-Западного Кавказа. На Ильской мы видим иные культурные традиции среднепалеолитических охотников, которые развивались на основе местных более ранних культурных традиций среднего палеолита Предкавказского региона, формировавшихся при ощутимом культурном влиянии со стороны Северного и Южного Закавказья.

Дальнейшие раскопки Ильской стоянки, несомненно, позволят еще больше обогатить и конкретизировать наши знания о технических и культурных достижениях охотников далекого среднего палеолита на территории Европейской России.

Рис. 9. Ильская стоянка. «Фигурка» мамонта из IV культурного слоя.

Рис. 10. Ильская стоянка. Орудия из доломита (леваллуазский острокопечник, пластины, отщепы) из III культурного слоя.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анисюткин Н. К., 1968.* Два комплекса Ильской стоянки // СА. № 2.
- Бозински Г., 2003.* Средний палеолит: 250000 лет нашей истории // Археологические вести. Вып. 10.
- Голованова Л. В., 1993.* Об истории одной мустьерской культуры на Северном Кавказе // Вторая кубанская археологическая конференция. Краснодар.
- Голованова Л. В., Дороничев В. Б., 2003.* Палеолит Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3.
- Городцов В. А., 1937.* Отчет об исследовании Ильской палеолитической стоянки в 1937 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2, оп. 1, № 201.
- Городцов В. А., 1940.* Ильская палеолитическая стоянка по раскопкам 1937 года // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. Вып. 6–7. М. Л.
- Городцов В. А., 1941.* Результаты исследования Ильской палеолитической стоянки (предварительное сообщение) // МИА. Вып. 2.
- Ефименко П. П., 1953.* Первобытное общество. Киев.
- Замятин С. Н., 1925.* Краткий отчет о раскопках стоянки Ильская // Архив ИИМК РАН. Ф. 2, оп. 1, № 112.
- Замятин С. Н., 1934.* Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения // Тр. II междунар. конф. Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. Л., М., Новосибирск.
- Иванова И. К., 1982.* Ископаемый человек и его культура // Стратиграфия СССР. Четвертичная система. № 1. М.
- Любин В. П., 1977.* Мустьерские культуры Кавказа. Л.
- Любин В. П., 1994.* Итоги исследования Баракаевской пещерной стоянки // Неандертальцы Гупского ущелья. Майкоп.
- Муратов В. М., 1969.* Геологический возраст палеолитических стоянок. Северный Кавказ // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М.
- Праслов Н. Д., 1984.* Развитие природной среды на территории СССР в антропогене и проблемы хронологии и периодизации палеолита // Палеолит СССР (Археология СССР). М.
- Праслов Н. Д., Муратов В. М., 1970.* О стратиграфии Ильской стоянки // АО 1969 г.
- Рогачев А. Н., 1957.* Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района // МИА. Вып. 59.
- Формозов А. А., 1965.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М.
- Щелинский В. Е., 1993.* Исследование мустьерской стоянки Ильская II в Прикубанье // Новые открытия и методологические основания археологической хронологии: Тез. докл. конф. СПб.
- Щелинский В. Е., 2001.* О соотношении формы и функции орудий труда нижнего и среднего палеолита // Археологические вести. Вып. 8.
- Baryshnikov G., Hoffecker J. F., 1994.* Mousterian Hunters of the NW Caucasus: Preliminary results of recent investigations // Journal of Field Archeology. 21.
- Baye J. de, 1899.* Au Nord de la chaîne du Caucase. Souvenir d'une mission // Revue de Géographie. 7–8.
- Bosinski G., 1967.* Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa // Fundamenta. A/4. Köln.
- Bosinski G., 2000–2001.* El Paleolítico medio en Europa Central // Zephyrus. 53–54. Universidad de Salamanca.
- Capitan L., 1899.* Etude sur les collections rapportées de Russie par M. le Baron de Baye // Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris. 10/4.
- Gábori M., 1976.* Les civilisations du Paléolithique moyen entre les Alpes et l'Oural. Esquisse historique. Budapest.
- Gromova V., 1932.* Der Säugetierfauna der mittelpaläolithischen station bei Il'skaja im nördlichen Kaukasus // Travax de l'Institut Zoologique de l'Académie des Sciences de l'URSS. I (3–4).
- Hoffecker J. F., Baryshnikov G., Potapova O., 1991.* Vertebrate remains from the Mousterian site of Il'skaja I (Northern Caucasus, U.S.S.R.): New analysis and interpretation // Journal of Archaeological Science. 18.
- Jörís O., 2001.* Der spätmittelpaläolithische Fundplatz Buhlen (Grabungen 1966–1969) // Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. 73. Bonn.
- Jörís O., v nečamu.* Zur chronostratigraphischen Stellung der Keilmessergruppen. Der Versuch einer kulturgeographischen Abgrenzung einer mittelpaläolithischen Formengruppe im europäischen Kontext.
- Ščelinskij V. E., 1998.* Der mittelpaläolithische Fundplatz Il'skaja II im westlichen Kubangebiet. Zur Charakterisierung des Mittelpaläolithikums im Kaukasusvorland // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 45.
- Zamiatine S. N., 1929.* Station moustérienne a Il'skaia, province de Kouban (Caucase du Nord) // Revue Anthropologique. 39.